

Арзамазов Алексей Андреевич

СИМВОЛИКА ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ М. ФЕДОТОВА: СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

В статье рассматривается комплекс природных образов, их смысловые коннотации в творчестве позднего Михаила Федотова - удмуртско-бесермянского поэта, одного из ярких представителей современной удмуртской литературы. В его поэзии две художественные парадигмы - символика природы и урбанистические образы, - будучи противопоставленными друг другу, составляют концептуальную оппозицию при одновременном семантическом взаимодействии. В рамках статьи устанавливаются доминантные психологические контексты природно-стихотворных сюжетов, выявляются глубинные связи поэтической картины мира М. Федотова с удмуртской мифологией, традиционной культурой, реальностью постсоветской эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 21-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

социального меньшинства, демонстрирующего своё превосходство над презируемым большинством – *ваньками и марушками*. В этом случае проявляется характерная претензия <...> уголовного мира на своеобразный “аристократизм”, презрение к работающему простому человеку...» [9, с. 103]. Трудно было бы ожидать иного отношения деклассированных элементов к законопослушным членам общества, не преступникам, если первые воспринимают последних исключительно как потенциальных жертв своей преступной деятельности.

Таким образом, употребление имен собственных в значении нарицательных арготизмов – частотное и яркое с точки зрения выражения эмоций языковое явление, отражающее специфику мировоззрения носителей арга. Конечно, рассмотренные в статье особенности образования русских нарицательных арготизмов от общенародных имен собственных ещё не дают нам исчерпывающей информации об этом языковом факте. Но проанализированный нами материал показывает, что функционирование собственных имен в роли нарицательных в русском арге представляет собой обширное поле для семантических наблюдений и изучения словообразовательного механизма этого явления.

Список литературы

1. Андреев В. Н. Квазиимены в русском арге (семантика, ункционирование и словообразование): автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2005. 167 с.
2. Бондалетов В. Д. Ономастика и социоллингвистика // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 17-23.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958. 458 с.
4. Горбаневский М. В. В мире имён и названий. М.: Знание, 1983. 192 с.
5. Грачёв М. А. Русское арге. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. 246 с.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.
7. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.
8. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. Ч. I. 269 с.
9. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
10. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Ростов н/Д: Изд. Ростовского ун-та, 1972. 231 с.

SOME PECULIARITIES OF FORMATION OF RUSSIAN COMMON SLANG EXPRESSIONS FROM NATIONAL PROPER NAMES

Andreev Vasilii Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
andreev-vn-arz@yandex.ru

The article deals with the peculiarities of the use of national proper names in the meaning of common nouns in the Russian argot. The author identifies the categories of onomastic vocabulary turning into common slang expressions, analyzes the types of antonomasia in the substandard level and reveals the changes in the connotation of the derivatives caused by the specificity of world outlook of the argot speakers. Such ways of formation of common slang expressions as the phonetic mimicry and the use of representative names are considered on the basis of proper names.

Key words and phrases: proper noun; common noun; slang expression; antonomasia; representative name; phonetic mimicry.

УДК 821.511.131

Филологические науки

В статье рассматривается комплекс природных образов, их смысловые коннотации в творчестве позднего Михаила Федотова – удмуртско-бесермянского поэта, одного из ярких представителей современной удмуртской литературы. В его поэзии две художественные парадигмы – символика природы и урбанистические образы, – будучи противопоставленными друг другу, составляют концептуальную оппозицию при одно-временном семантическом взаимодействии. В рамках статьи устанавливаются доминантные психологические контексты природно-стихотворных сюжетов, выявляются глубинные связи поэтической картины мира М. Федотова с удмуртской мифологией, традиционной культурой, реальностью постсоветской эпохи.

Ключевые слова и фразы: природная символика; современная удмуртская поэзия; эмоциональный гипертекст; автобиографичность; поэтический экфрасис малой родины; «тихая лирика».

Арзамазов Алексей Андреевич, к. филол. н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
arzami@rambler.ru

СИМВОЛИКА ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ М. ФЕДОТОВА: СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ[©]

Видное место в удмуртской литературе 1980-1990-х гг. занимает поэзия Михаила Федотова, который начиная как все, достаточно быстро становится ведущим удмуртским поэтом, лидером нового поколения, прощающегося

с советским мироустройством. Его творческая зрелость связана с глобально-внезапными социокультурными переменами, которые требовали внутренней реакции, художественного осмысления. С определенной уверенностью можно сказать, что Михаил Федотов – поэт автобиографического склада: он, прежде всего, описывал себя, делился своим опытом переживания эпохи перемен. Его экзистенция превращалась в поэтический текст, пугающе достоверный, находящий читателя и получающий литературные отклики. В 1980-е гг. увидели свет две книги М. Федотова «Тоды юсьёс берго» / «Белые лебеди возвращаются» (1986), «Берекет» / «Желаю добра» (1988), в 1990-е гг. тоже две – «Вось» / «Боль» (1991) и «Вирсэр» / «Пульс» (1998): два последних сборника попадают в сферу нашей интерпретации. Необходимо подчеркнуть, что стихотворные тексты М. Федотова неоднократно становились объектами научного рассмотрения [1; 2; 3; 5; 6; 12].

Природно-пейзажное начало в художественном миротексте удмуртско-бесермянского поэта ярко выражено. Лирическое «Я» вписано в определенный ландшафт, сезон, природа в творчестве М. Федотова подвижна, стремительна, переменчива. Ее динамичный характер передают глаголы. В действительности, за границами стихов, Михаил Федотов был человеком стихийным, впечатлительным, страстным, решительным в поступках. Современники подчеркивают, что одной из главных составляющих его поэтического и жизненного вдохновения было живое общение с природой. Когда поэт чувствовал упадок сил, он искал спасения в лесу, в природе. Они оказывались для него тем самым «последним углом» / «*бертум сэрег*», апеллируя к которому М. Федотов написал свое знаменитое стихотворение. Его «выбрасывала» городская цивилизация, в целом жесткая и жестокая по отношению к удмуртам. Очевидно, что природные образы стали основным выразительным средством поэзии М. Федотова. В натуралистической символике запечатлелись-отообразились многогранность мыслей, переживаний автора. Природа тематически соотносится с актуальными для персонажа вопросами бесермянского, северо-удмуртского бытия, деревенской, урбанистической «картинами жизни». Природная обреченность востребована в самых разных лирических сюжетах.

Природно-пейзажная символика широко представлена в книгах «Вось» / «Боль» (1991) и «Вирсэр» / «Пульс» (1998). Стихи последних лет жизни М. Федотова вмещают в себя несколько сосуществующих реальностей, которые образуют сферы действительного и желаемого, указывают на сложное совмещение темпоральных координат, перекрестье пространственно-временных осей. Город, деревня, прошлое, текущее, будущее время то составляют единство одного текста, то дифференцируются, противопоставляются, оказываются на разных полюсах семантики. Описывая урбанистическое мироздание, психологизируя городское бытие, М. Федотов не может не писать о природе, не может не подчеркивать ее величие, красоту, мудрость, чувствительность, мистическую провиденциальность.

Натурфилософские стихотворения в сборнике «Вось» [10] сосредоточены преимущественно в разделе «Мон кудзо аслам эрикеным» / «Я опьянею от собственной свободы». По-видимому, природа в сознании поэта рифмуется со свободой, с естественными, не ограниченными чуждыми установками самопроявлением, самовыражением. Анализ природно-пейзажного кода книги «Вось» показывает, что Михаил Федотов, несмотря на творческое обращение к концептуальному образу города, в начале 1990-х гг., последовательно развивает традицию удмуртской «тихой лирики», привнося новые смысловые оттенки, связанные с бесермянской идентификацией, другими гранями экзистенциального опыта лирического «Я». В «позднем» творчестве М. Федотова преобладают образы и мотивы природы, которыми жила удмуртская поэзия на протяжении всей своей истории.

Природа на страницах по сути главной книги удмуртско-бесермянского поэта в первую очередь становится языком любви. В стихотворении «Кукке шунды выдэ сике» [Там же, с. 95] / «Когда солнце ложится в лес» любовное чувство поэтизируется на грани боли, печали, сожаления. Природные образы участвуют в развертывании поэтического параллелизма, символизирующего сопряженность внешних стихий, состояний мира, природы с внутренними переживаниями, спорами, сомнениями лирического субъекта. Мужское «Я» снова заявляет о недовольстве реальностью любви – этот лирический мотив можно считать инвариантным в творчестве М. Федотова. Герой постоянно мысленно пребывает в поисках идеальной спутницы, его категорически не устраивают застои в отношениях. В своем любовно-поэтическом дискурсе автор часто балансирует между решительным неприятием утомительной стабильности чувства, внутренней нацеленностью на новые встречи и интонациями извинения, признания своей вины за неоправданные ожидания. Апеллируя к образам, явлениям природы, он нередко дает понять, что близится расставание. В произведении «Тон нош ик, тон нош ик огнад кылыськод» [Там же, с. 103] / «Ты снова, ты снова одна остаешься...» лирический герой убеждает возлюбленную, что расставания не случится – он превратится в солнце, небо, ветер, а значит – любовь обретет планетарные масштабы и будет повсюду. Авторское «Я» верит в силу, прочность взаимной любви, в ее природное всеприсутствие. Когда любитесь, весь мир кажется ярким, искрящимся радостью, расположенным к человеку. Природа тоже вдохновляет на чувство: «*Чукнаысен чирдэ ини бурдо, // Чукнаысен инвис гома лемлет. // Югытамлэсь ёвёл соку шурдон, // Сыче дыръя потэ яратэмед. // Вазь чукысен бурдо ини шула, // Вазь чукысен шунды учке шорад. // Инкуазь гинэ, инкуазь гинэ вала, // Кыче шудбур пыре соку дорад*» [Там же, с. 102]. / «С утра уже поют крылатые, // С утра пылает розовый горизонт. // Перед рассветом тогда нет страха, // В такое время хочется любить. // С раннего утра поют крылатые, // С раннего утра солнце смотрит на тебя. // Только природа, только природа понимает, // Какое счастье приходит к тебе тогда» (здесь и далее перевод автора – А. А.). Природа вновь оказывается понимающей субстанцией, взаимодействующей с человеческим сердцем, сознанием.

Немалая часть стихотворений М. Федотова, в которых природная символика являет собой доминанту, объединена минорным эмоциональным гипертекстом (тревога, сомнение, чувство одиночества, растерянность перед неоправданной жестокостью жизни). Излюбленный временной отрезок в рассматриваемой стихотворно-тематической зоне – сумерки / *акшан* // *жомал*, резонирующие с трагическим мировоззрением

«Я»-субъекта книги «Вось». Сумерки «правят» природой в стихотворении «Гуртэ вылэ лэзьке ини жомал» [Там же, с. 108] / «На мою деревню опускаются уже сумерки. Лирический субъект наблюдает за противостоянием дня и ночи, описывает происходящие метаморфозы, прибегая к приему констатирующего изображения, к сравнениям, образам с высокой степенью визуальности. Примечательно, что в данном произведении наблюдается диалог настоящего и будущего времени, реализуется модальность возможности действия, состояния. Центральная мысль заключена в последнем четверостишии – становится очевидным, что лирическое «Я» внутренне настроено на инобытие, оно предполагает-предчувствует скорое прощание с родной природой, с жизнью на земле. Березы становятся посланниками этого апокалиптического сигнала, этого трагического эхо авторского сознания. Природа для М. Федотова – одновременно и начало, и конец бытия. Лучше преждевременно и навечно уйти в природу, чем томиться в клетке города.

Похожий психопоэтический сценарий имеет место в тексте «Кылісько, кылісько чипсэмез» / «Слышу, слышу посвист»: вновь символически опускаются сумерки, стелется туман, мир вокруг превращается в мистический континуум, полный таинственных знаков, звуков, образов. Лирический герой не знает, как дальше быть, ему тошно, одиноко, он опустошен, измучен. Герою мерещатся тени, они зовут его к себе: «Кылісько... Кыдэкин... Шодійсько... // Тодьы бус. Лыз акшан. Съдд ишан. // Сик дурын вужеръёс адзисько, // Вазьыло кадь мыным "Лык, Миша..."» [Там же, с. 121]. / «Слышу... Вдалеке... Чувствую... // Белый туман. Синие сумерки. Черный призрак. // Около леса тени виднеются, // Словно обращаются ко мне "Иди к нам, Миша..."». В стихотворных строках звучит имя поэта, автобиографический контекст потерянности представляется психологическим стержнем текста. Природные символы в этом случае не могут оставаться в стороне, они сгущают краски внутренних переживаний, потрясений. На субъектно-авторское неверие в собственное будущее отзывается природа – мрачным эхом птичьего плача, «угасанием» росы: «Кытын ке но кин ке но чипсэ, // Улонме бёрдэмез пыр вера. // Пыд улын лек лысву но кысэ, // Азыпала сюресэ но сэра» [Там же]. / «Где-то кто-то разливается трелью, // Про жизнь мою сквозь плач рассказывает. // Под ногами даже сильная роса гаснет, // И дорога моя вперед прерывается». Это произведение входит в серию стихов, в которых авторское «Я» на языке натуралистических образов пишет сценарий своей судьбы: ему кажется, что всё уже предопределено свыше, его там ждут. На общем структурно-композиционном фоне текста выделяется довольно редкая грамматическая комбинация с двойным участием компонента «ке но», в системе языка передающего неопределенность, «неопознанность». Вместе с тем в действительности стихотворения этот показатель имплицитности превращается в «определенный артикль»: лирический персонаж знает, кто и для чего оплакивает его судьбу.

В аспекте художественного взаимодействия природы и внутренних человеческих реакций, раздумий показательным, важным для прочтения можно считать стихотворение «Зурод пушкын кыллэ кема» / «В стогу буду лежать долго». Текст акцентирует высокую степень несогласия с реальностью жизни. Лирический герой, прячась в стога, уходит в себя, измеряет «глубину» одиночества, оплакивает незавидную судьбу родного края (северная Удмуртия), чувствует в быстротечности лета скорое приближение смерти: «Зурод пушкын кыллэ кема, // Медаз адзе монэ, // Кызыы мёзмон пуксёз бамам, // Котмоз жадем синэ. // Шара бёрдо шаер понна, // Огнам гинэ бёрдо. // Кики улын азьме туна, // Нош со ёвёл шудо... // Кёс турыэн веша монэ // Жыжы кылем доре. // Гужем вакыт выллем синэ // Мыным сётэм дыре» [Там же, с. 118]. / «В стоге сена буду долго лежать, // Пусть не видят меня, // Как печаль опустится мне на лицо, // Влажными станут усталые глаза. // Громко буду плакать о родном крае, // Буду в одиночестве плакать. // Кукушка про будущее мое кукует, // А оно не счастливое... // Сухой стерней ласкает меня // Истлевший мой дом. // Словно лето, исчезает // Мне отведенное время». В произведении проявляется одна из сквозных стратегий поведения лирического субъекта в творчестве М. Федотова – стремление разорвать отношения с текущим временем и «действующим» пространством, уйти в спасительное измерение леса, луга, реки. Отдельно нельзя не сказать о метафизической тяжести, чувстве духовной ответственности, что давят, воздействуют на авторское «Я». Он ощущает значимость, знаковость своих переживаний, взглядов, слов, он – поэт, стремящийся защитить свою родину, язык, природу от глобальной опасности, краха, исчезновения. Герой мечется на границах необходимости и желания, обрекая себя на сопротивление внешней и внутренней сред. Субъект поэзии М. Федотова сам хочет писать драму своей судьбы, с пугающей регулярностью подчеркивая необратимость скорого финала.

Разумеется, в книге «Вось» есть тексты с яркой образностью природы, лишённые пессимистического заряда, существенного, опустошающего психологического напряжения. К ним в контексте рассматриваемой проблематики также следует обратиться. В этой группе произведений видное место занимают стихи патриотического толка. Они не похожи на громко-пафосные лозунговые тексты поэтов соцреалистического метода. Меняется время, кроме того поэтический темперамент позднего М. Федотова совершенно другой – не терпящий социальных симулякров, творческих подстраиваний под идеологические идеалы. Спокойное, тихое любование пейзажами, ландшафтами родных просторов приводит к раскрытию изобразительных потенций природного образа и возвращает к лучшим образцам удмуртской «тихой лирики». Характерный пример – стихотворение «Тани ваньмыз мынам доре» / «Вот всё это – моя родина», панорама малой родины моделируется при помощи указательной частицы *тани* / «вот» и перечислительного описания природных объектов: «Тани тэльёс, лудьёс, возьёс, // Тани – гуртэ сюрес. // Мае гинэ адзо синьёс, // Ваньмыз мынам доре» [Там же, с. 109]. / «Вот леса, поля, луга, // Вот – дорожка в деревню. // Что только видят мои глаза, // Всё мой дом». От общего поэт переходит к частному, к конкретным деталям: мельница, пруд, утки, красные цветы составляют экфрастическую мозаику родных пейзажей.

Многообразие мира природы явлено в стихах из книги «Вирсэр» [9] / «Пульс». В этом посмертном издании среди прочих представлены тексты последнего года жизни поэта, «оборванные» поэтические строки, в которых тема смерти, мотив разочарованности в себе, обществе, мироустройстве звучат почти в каждом слове, образе. Сборник «Вирсэр» открывается «ранними» текстами М. Федотова, прежде неопубликованными

и написанными преимущественно в минорной тональности, в «психологическом режиме» прощания с миром, любовью. Природный код как всегда востребован, актуализирован поэтическим сознанием.

В стихотворениях, датируемых 1980-ми гг., превалируют дождь, гроза, «стреляют» молнии, внезапно настигающие, накрывающие человека, оглушающие его своей мощью, злым всесилием, коррелирующие с глобальностью внутренних диссонансов, дилемм, расколов. Однако художественно наиболее пронзительными, проникновенными являются стихи, где природа становится своеобразным «эпитафическим кодом» лирического высказывания, предвестником / свидетелем гибели «Я»-субъекта. В произведениях с таким сценарием как бы происходит взаимоналожение удмуртских мифологических представлений и русской, мировой художественной традиции (прежде всего – романтической-сентименталистской). В итоге складывается определенный стиль письма – насыщенно трагический, бескомпромиссно-безжалостный к герою и одновременно обращенный к состраданию реципиента. В качестве примера можно привести одно из наиболее резонансных стихотворений Михаила Федотова «Уйбыртон» / «Галлюцинация»: *«Нош ватйзы монэ сяськаосын. // Шунды лэйказ съдд пистуос вискын. // Бурдяськыса усись горд куаръёсын // Мон бертумзэ лобай шай нюлэскын... // Берло зориз. // Акшан ни вал вакыт. // Сое шодди куаръёс чаптыртэмья. // Пеймыт гуын потйз мыным люкыт, // Монэ соку зор ву, лэся, эмъяз. // Жутски гуысь. Пукси изэ вылэ. // Кытчы мыном, кытысь шедьтом чуслык? // Дунне вылысь кинлы на мон кулэ? // Шат кырныжлы, сютэм лек кырныжлы?»* [Там же, с. 29]. / «А похоронили меня с цветами. // Солнце качалось между черных деревьев. // Вместе с окрыленными падающими красными листьями // Я в последний раз летал в кладбищенском лесу... // Последний дождь. // Были сумерки. // Я почувствовал это по шуранию листьев. // В темной могиле мне стало тесно, // Меня тогда дождевая вода, кажется, исцелила. // Поднялся из могилы. Сел на свой камень. // Куда мне идти, где мне найти покой? // На свете кому я еще нужен? // Разве ворону, голодному злему ворону?». Солнце, деревья, опадающие листья, дождь, сумерки остаются сами по себе, они словно безучастные соглядатаи торжества смерти. «Проснувшаяся» душа оказывается в том же пространственном, природно-образном континууме, однако, он для нее неосязаем, отгорожен невидимой стеной, бывшее человеческое общение с природой, с миром живых уже невозможно. Душа не может найти себе место, испытывает острое чувство незащищенности, ненужности. Черная земля / *съдд музьем* становится единственным приютом. Стихотворение представляет собой важный для поэта и читателя психологический опыт инсценировки собственной кончины, погребения, творчески описывается картина посмертного бытия души. В концепции М. Федотова нет ни рая, ни ада, вместо них – вязкое, пустое, унылое, одинокое существование. Меланхолия, пессимизм «Я»-персонажа переносятся вместе с ним из земного в «следующее измерение».

В другом стихотворном произведении «Мон куке но кулй ке, быри ке» [Там же, с. 61] / «Если когда-то я умру, если погибну...» также задействован природный код. Лирический субъект, обращаясь к невидимому, но ментально близкому собеседнику, просит посадить на его могилу черемуху (артикулируется уверенность в том, что адресат будет жить дольше). Текст достаточно прозрачен с точки зрения интертекстуальности – К. Герд, М. Сеспель, Т. Шевченко [4, с. 143; 8, с. 234; 11, с. 74] и многие другие поэты творчески обыгрывали эту сентиментальную ситуацию, на языковом уровне нередко выражаемую условной конструкцией. Один из последних текстов М. Федотова «Мон кошкисько ни улоньсь» / «Я ухожу уже из жизни» обескураживает транслируемой решительностью лирического «Я» расстаться с жизнью. Обиды, боль уже не помещаются в сердце. Природа в рамках стихотворения является символом непрерывного продолжения жизни, она переживает отдельно взятого человека. Между строк прочитывается гамма разносторонних авторских ощущений, в том числе – вера в возможность «вечного возвращения» (Ф. Ницше [7, с. 14]): *«Мон кошкисько ни улоньсь, // Леке уг тэры сюлэмам. // Съдд туж шукиз. Усе ю тысь. // Куло ни мон. Уг ул кема. // Мон кошкисько та улоньсь, // Нош зег бусы эшишо жутскоз. // Арам бере, пе, со бёрысь // Вож узьыме кадъ жуатскоз»* [9, с. 77]. / «Я ухожу уже из жизни, // Злость моя не вмещается в сердце. // Ударило черное сито. Падает зерно. // Умру уже я. Не буду долго жить. // Я ухожу из этой жизни, // А пшеница в поле еще взойдет. // После жатвы она, потом, // Словно зеленая озимь, загорится». Обращает на себя внимание поэтическое упоминание злаковых, которые в тексте символизируют как жизнь, так и смерть. Подобное отождествление восходит к нострагическим мифологическим сюжетам.

Михаил Федотов был и человеком, и поэтом Природы, как и большинство удмуртских писателей. Его природный образный словарь является частью удмуртской поэтической традиции, поэт выстраивает свои художественные миры в географических границах Удмуртии, преимущественно – северной. У него не было стремления обращаться к чужим образам, землям. Пейзажи М. Федотова обычно имеют четкие сезонные контуры, отличаются динамизмом поэтического представления (благодаря обширным «глагольным сеткам»), наличием говорящей символики, сопряженностью с «внутренним компасом» лирического субъекта. В этом смысле М. Федотов отчасти следует установкам позднего Ф. Васильева на творческое усложнение психологического дискурса. На языке природно-пейзажных образов молчит, говорит, кричит любовь. Яркое воплощение «природное» получает в текстах-снах, по-видимому, аккумулирующих потаенные стороны авторского сознания, высвечивающих его нетривиальные чувственные интонации.

В поэтическом мире Михаила Федотова оппозиция город – природа / деревня оказывается фундаментальной. Это две стихии, неразрывно связанные между собой в жизни поэта, не могли гармонично сосуществовать. Их ментальная противопоставленность не давала М. Федотову покоя: необходимо было принять окончательное решение, выбрать что-то одно, что в действительности оказалось неосуществимым. Внутренняя поэтическая драматизация этой оппозиции отрывала прежде успешного человека, литератора, редактора от реальной жизни, вводила в лабиринт мнимых (или все-таки действительных?) потерь, противостояний, неразрешимых споров. Условно говоря, в творческом сознании удмуртско-бесермянского поэта прошлое (то есть природа, деревня) было главным темпорально-экзистенциальным ориентиром. Он все время мысленно

чувственно возвращался назад, в бесермянские леса, луга своего детства. Природно-пейзажный код в поздних стихотворениях Михаила Федотова семантически корреспондирует с темой смерти. И здесь – одна из главных загадок его поэзии. Что такое смерть? То ли это тьма, слепота, глухота, узкий душный коридор, ведущий в никуда, то ли – яркая вспышка света в конце туннеля мучительной жизни, подлинное и окончательное возвращение в природу, в колыбель своего народа.

Список литературы

1. Арзамазов А. А. Инфинитив vs идиостиль: творчество М. Федотова в зеркале одной лингвопоэтической детали // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (69). С. 14-17.
2. Арзамазов А. А. Образ Ижевска в поэтических отражениях Михаила Федотова (в контексте удмуртской художественной урбанистики) // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. С. 393-405.
3. Арзамазов А. А. Символы двери и окна в творчестве «позднего» М. Федотова // Вордскем кыл. 2015. № 1. С. 35-37.
4. Герд К. Зарни кылчурьёсы: кылбурьёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. 360 с.
5. Ильина Н. В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980-1990-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2006. 21 с.
6. Клементьев А. А. Образ бесермянского этноса в поэзии М. Федотова // Язык и общество. Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО, 2004. Вып. 1. С. 86-88.
7. Ницше Ф. В. Так говорил Заратустра. М.: Азбука, 2012. 352 с.
8. Сеспель М. Собрание сочинений: поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1998. 740 с.
9. Федотов М. Вирсэр=Пулс: кылбурьёс=стихи. Ижевск: Удмуртия, 1998. 215 с.
10. Федотов М. Вось: Кылбурьёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.
11. Шевченко Т. Г. Кобзарь: стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1972. 656 с.
12. Шибанов В. Л. Уходящее уходит в будущее // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: учебное пособие / ред. Т. И. Зайцева, С. Т. Арекеева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 190-196.

**THE SYMBOLICS OF NATURE IN THE POETRY OF M. FEDOTOV:
SEMANTIC FACETS AND PSYCHOLOGICAL CONTEXTS**

Arzamazov Aleksei Andreevich, Ph. D. in Philology

*Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
arzami@rambler.ru*

The article deals with the complex of natural images and their semantic connotations in the late works of Mikhail Fedotov, who is an Udmurt-Besermyan poet, one of the outstanding representatives of the modern Udmurt literature. In his poetry two artistic paradigms – symbolics of nature and urban images – being opposed to each other, make a conceptual opposition during simultaneous semantic interaction. The author identifies the dominant psychological contexts of natural poetic plots, and reveals the deep connections of M. Fedotov's poetic worldview with Udmurt mythology, traditional culture, and the reality of the post-Soviet era.

Key words and phrases: natural symbolics; modern Udmurt poetry; emotional hypertext; autobiographical poetry; poetic ecphrasis of small native land; “quiet lyrics”.

УДК 82-1/-9

Филологические науки

В статье рассматриваются произведения Ю. К. Олеси «Ни дня без строчки» и «Книга прощания», которые необычайно своеобразны по своей жанровой природе. Особенность этих книг заключается в том, что они представляют собой не жанр дневника в его классическом виде, а некую его трансформацию. Автор статьи обосновывает, что Ю. К. Олеша создал своеобразные литературные произведения, написал не просто дневник с фиксированием происходящих событий, а создал некий целостный текст, основанный на правдоподобных дневниковых записях, в которых предстают воспоминания о себе, размышления о современности и творчестве писателей разных эпох.

Ключевые слова и фразы: литературное произведение; жанр дневника; глава; тема; мемуарная литература.

Баймиева Вера Юрьевна, к. филол. н., доцент
Уфимский юридический институт МВД России
vera.baimieva@mail.ru

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. К. ОЛЕШИ
«НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ» И «КНИГА ПРОЩАНИЯ»[©]**

Давая определение жанру дневника, можно отметить, что дневник – это время от времени пополняемый текст, ведущийся от первого лица, состоящий из фрагментов современных описываемых событий. Чаще всего